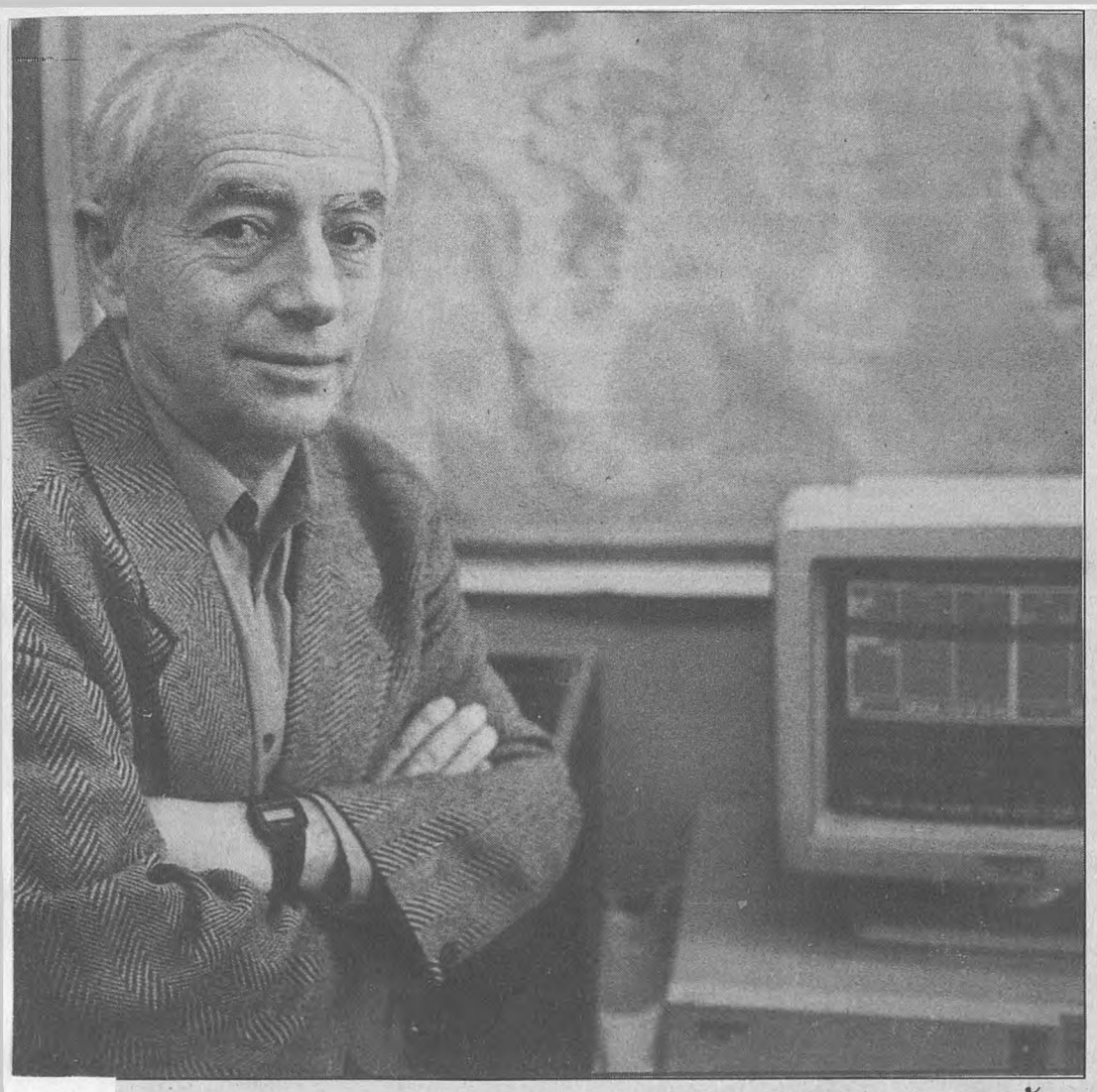

Александр ГОРОДНИЦКИЙ:

Веч. клуб. - 1995. - 11 нояб. - с. 7.

В четвертом поколении от бандитов происходят альтруисты. Но долго ждать

Перед тем как включить диктофон, мы с Александром Городницким договорились: поскольку он весь обынтервьюированный, постараемся избегать дежурных вопросов типа "Вы ведь не только "Атлантов" написали, но еще и докторскую?", а также ответов, которые можно найти в его мемуарных книгах.

— Александр Моисеевич, я застал времена, когда вас называли Александром Михайловичем. Это было принципиально — вернуть себе собственное отчество?

— Моего отца Моисея Эфраимовича, который долгое время работал в военной гидрографии, звали там Михаилом Ефремовичем. Его помнили, и меня в морских экспедициях автоматически стали называть Михайловичем. Но рано или поздно надо восстанавливать статус кво, и чтобы не подумали, что я пытаюсь, подобно некоторым вольфовичам, маскироваться и почему-либо предпочитаю русское отчество своему родному еврейскому, я привел все в соответствие с паспортом. Принципиальной роли это для меня не играет. Как в детстве я откликался и на "Алика", и на "Сашу", так сейчас — и на "Александра Михайловича", и на "Александра Моисеевича".

— Шестидесятники создали в песнях образ романтика с низким уровнем социальных запросов и высоким уровнем ответственности. "Атланты держат небо на каменных руках" — это же идеальные советские люди: никакой собственности, кроме набедренной повязки, а дело делают.

— Да, мы несем ответственность за то, что писали и пели в 60-е годы. Большинство ценностей тех лет я разделяю и сегодня. Мы были по-своему честны в то лживое время, мы действительно верили в социализм с человеческим лицом, в некое всемирное братство — интернационализм, только вот не пролетарский... Отказ от этих ценностей привел к национальной озлобленности, к войнам. Чего нам стыдиться, если это только подтверждает нашу правоту? Да если бы не было шестидесятников, не было бы и тех сердитых молодых людей, которые теперь, когда позволено орать все что угодно, обличают нас в конформизме. Авторская песня, магнитофонный самиздат, клубы самодеятельной песни создали в недрах брежневского несвободного государства общество свободно мыслящих людей. Кстати, поэтому я в отличие от Кима, Окуджавы и других бардов 60-х серьезно отношусь к КСП.

В 60-е они могли только мечтать о выходе своих пластинок.

— Вы упомянули еще социализм с человеческим лицом. Я вас видел в 91-м у Белого дома, и не могу себе представить, чтобы Городницкий вышел на митинг коммунистов защищать социализм.

— А какое отношение имеет, скажем, Зюганов к социализму с человеческим лицом? Да никакого! Я вообще не вижу разницы между той бывшей партноменклатурой, которая входит в верхушку нашего нынешнего проворовавшегося аппарата, и той бывшей партноменклатурой, которая рвется к власти. Они все одной крови, только названия разные.

— Тем не менее вы знаете, за кого будете голосовать?

— Я симпатизирую "Яблоку". Но считаю, что литература в принципе должна быть свободна от политических пристрастий — за исключением того, что все человечество делится на фашистов и антифашистов... А что касается социализма с человеческим лицом, то вовсе не важно, как эта штука называется. Вон, в Швеции король и социалистическое правительство. Если назвать это социализмом, то что было у нас? А если капитализмом, то что было в гитлеровской Германии?.. Я просто за нормальное цивилизованное общество. Не верю в избранный путь России. Избранный путь для нее всегда оборачивался гнетом, татарщиной, самодержавием, большевиками. Если все люди произошли от обезьяны — во что я вообще-то не верю, — но если все в принципе одинаковы, то и развиваться человечество должно сходными путями.

— От геолога, который может проследить биологическую эволюцию по окаменелостям, любопытно услышать, что он не верит в теорию Дарвина.

— Как ученый я занимаюсь магнитным полем Земли, дрейфом континентов, мировой историей нашей планеты с начала фанерозоя — явной жизни на Земле, это 570 миллионов лет назад. И вот чем больше узнаешь, тем менее явны диалектические связи. От наглядности ньютоновой механики — хлопнуло яблоко по голове: закон всемирного тяготения — к разлетающейся Вселенной, сверхсветовым скоростям и прочим вещам, которые невозможно себе представить. Наука терпит кризис наглядности. Это раз. Во-вторых, у Дарвина все прекрасно получается, кроме одного: он не нашел достоверного объяснения качественному скачку от обезьяны к человеку. Цепочка от углеводородов к аминокислотам, то есть к появлению жизни, тоже не получается. Точнее, все получается, кроме самых узловых моментов. Как американцы в свое время публикуют радиосхему — все понятно, а двух основных узлов нет, они засекречены, а без них всему остальному грош цена. Так и в природе основное засекречено, и чем дальше, тем определеннее я прихожу к выводу, что нельзя путем агностики все примитивно познавать. Поэтому я не отрицаю существования Бога. Хотя это ужасно ненаучно.

— Не обидно, что ваши песни часто поют, не зная имени автора?

— Пушкин затмил всех, но "О, память сердца, ты сильней рассудка памяти печальной" написал тихий Батюшков. Русская поэзия так велика и богата, что быть в ней поэтом эн плюс первого порядка гораздо достойнее, чем быть первым где-нибудь в Люксембурге... Мой приятель художник Александр Окунь, участник "бульдозерной" выставки, в Союзе непризнанный, переехал в Израиль. Там он стал известным и как-то раз, придя с презентации, в эйфории сказал жене: "Вот видишь, кто я был там, а в Израиле вхожу в пятерку лучших". На что его русская жена флегматично заметила: "Ты бы еще в Люксембург переехал"... Это одна сторона вопроса. А вторая — вот был еще один современник Пушкина барон Дельвиг. Страшный неудачник — и жена-то ему изменяла, и умер-то от сердечной недостаточности на почве испуга. Но он написал русскую народную песню "Не осенний мелкий дождичек..." Я был бы счастлив остаться одной строчкой в народной песне, которая еще сто лет после меня проживет безымянной. Поэтому когда поют некоторые мои песни, не зная автора — "Перекаты", "От злой тоски не матерись", "Кожаные куртки", — мое тщеславие вполне удовлетворено.

— Вам случалось друзьям или самому себе говорить: а вот на Западе ученый моего уровня имел бы в сто раз больше?

— Нет. Хотя западные ученые в сравнении с нами богачи, они все равно зарабатывают меньше, чем бизнесмены, и это в порядке вещей. Меня гораздо больше волнует престиж российской науки. Когда ко мне приходит водопроводчик, он на меня смотрит, как царь на еврея, и правильно делает: что это такое — профессор, завлаб, член Академии естественных наук получает триста тысяч. Изменились понятия о том, что престижно и непрестижно, и это жалко.

— А ваши океанские экспедиции?

— За исключением нескольких прикладных экспедиций, например, по мониторингу затонувшей подлодки "Комсомолец" или инвестируемых из-за рубежа экспедиции Института океанологии практически остановлены. Мы с каждым годом отстаем от мирового уровня, распадается коллектив... Фундаментальная наука во всем мире не окупается, государство должно ее содержать. Наше дурацкое государство этого не понимает.

— А может быть, оно нам сейчас и не надо? Признаемся себе, что мы — сырьевое государство, и фундаментальная наука нам не по карману...

— Не согласен. Как сказал кто-то из великих, нет ничего более практичного, чем хорошая теория. Сейчас, например, новая теория формирования нефти и совершенно новые районы ее обнаружения. Ну а второе — помимо того, что разваливается фундаментальная наука как таковая, у нас таким образом уничтожается контингент мыслящих людей. Я дважды был в Америке, в частности, читал лекции в Стенфордском университете, и пришел в ужас от того, сколько там наших молодых людей — ученых, программистов. Им нечего делать в России. Происходит социальная перестройка нашего общества, тон уже задают новороссы, которым ценности интеллигенции непонятны. А "хотел непонятного" — уже может быть обвинением, как у Стругацких в "Попытке к бегству". Это путь к охлократии. Завтра мы получим общество, которое захочет хлеба, зрелищ, простых лозунгов, — фашизма.

Кстати, Германия, входящая в пятерку стран с наивысшим уровнем жизни, до сих пор не вошла в десятку мировых научных лидеров — это последствия двенадцатилетнего правления Гитлера.

— Вам не кажется, что идет некий встречный процесс? Запад наелся, потешил плоть и начинает понимать: единственное, что не надоедает, — это интеллектуальные ценности. А у нас не было ничего, кроме интеллектуальных ценностей, и мы бросились наедаться и тешить плоть.

— Да, у нас, к сожалению, сейчас время разбрасывать камни... Я был в Австралии, куда в восемнадцатом веке ссылали каторжников, — сейчас это рафинированная страна. Человечество обречено на интеллектуальное существование — в третьем-четвертом поколении от любого бандита происходит альтруист, об этом писал профессор Эфроимсон. Конечно, вырубив интеллигенцию сейчас, мы ее получим в будущих поколениях. Но ждать так долго. Надо было отменить телесные наказания для дворянства, чтобы внуки непоротого поколения вышли на Сенатскую площадь. А наше поколение интеллигенции обречено на вымирание.

— Сколько вам лет?

— В марте будет шестьдесят три.

— А я жалею свое поколение — сорокалетних. Вы прожили ту жизнь, которую выбрали. Мы же выбирали одно, а получили другое. У меня сестра — экономист, работает токарем, потому что она не для этой экономики экономист. Часто нечего сказать детям, которые смотрят даже не на новороссов, а на их пушечное мясо — качков, — смотрят и сравнивают...

— Вообще детям всегда лучше говорить правду. А у нас было хуже с детьми. Они знали, что дома говорят одно, в школе надо говорить другое. При всех сегодняшних страстях я не хочу вернуться в ту эпоху... Что-то мы опять ушли в политику.

— Мы ведь договорились не задавать барду Городницкому избитых вопросов. Не о кризисе же авторской песни вас спрашивать.

— Почему бы и не спросить? Есть кризис авторской песни. В ней, как я наблюдаю, произошла существенная перестановка акцентов. Если раньше несущей конструкцией песни была поэзия, то сейчас все перешло в эстраду, а там уже другие приоритеты. Я очень люблю братьев Мищуков, я очень люблю и Леню Сергеева, и Олега Митяева, но у них уже какой-то другой жанр. Есть такая вроде бы неявная разница между любовью и сексом. Так авторская песня — это любовь, процесс интимный. Но с другой стороны, я совершенно не согласен с Булатом Шалвовичем в том, что, цитирую точно, "авторская песня умерла, оставив несколько имен". Мой-то путь в авторскую песню был не через диссидентские московские кухни, как у Окуджавы, Кима, Галича, а через экспедиции в Арктике, в тундре, в тайге. И мое понимание авторской песни — это безымянная песня, которая передается изустно. "Идут на Север, срока огромные..." — это авторская песня. Так вот, у жанра было два канала подпитки: диссидентские кухни и безымянная полузековская Русь. Потеря второго канала нам, к сожалению, не грозит. А главное, я считаю, что авторская песня появилась не с появлением Окуджавы или даже Аполлона Григорьева, она бытовала со времен Бояна, Садко и вообще людей с музыкальным инструментом в руках, с которых начиналась мировая литература, театр, опера и так далее. Поэтому она неубиенна, особенно в России, где была всегда и будет в той или иной степени цензура, и народ всегда пойдет своим путем в обход этой цензуры.

— У авторской песни довольно узкая аудитория, в частности, научная интеллигенция. А она, как вы говорили, уезжает...

— Это ничто по сравнению с той аудиторией, которая осталась. Я считаю, что любой автор, уезжающий из России в надежде реализоваться, обречен на личную трагедию. Примеры — Клячкин, Галич...

— Клячкин, говорили, был вполне благополучен.

— А мне он говорил, что близок к тому, чтобы повеситься, что никому русская поэзия в Израиле не нужна. И умер от инфаркта. Галич проваливался в том же Израиле, во Франции выступал с разной степенью успеха и неуспеха...

— Вы живете только на свои триста тысяч?

— Нет, иногда даю концерты. Пятнадцатого ноября буду выступать в Олимпийской деревне с замечательным гитаристом Сашей Костроминым.

— Забавно: лет восемь назад такие были дискуссии о коммерциализации авторской песни...

— Есть вещи, которые в принципе невозможно коммерциализировать, это их разрушает. Коммерциализация фундаментальной науки — это, к примеру, новые рецепты водок, то есть не фундаментальная наука. Или закажите барду коммерческую песню — он, может быть, и напишет, но это будет не авторская песня, а нечто в другом жанре. Так что я придерживаюсь пушкинского взгляда: "Не продается вдохновенье, но можно рукопись продать".

Встречался Евгений НЕКРАСОВ.
Фото Игоря ИВАНДИКОВА.